

Бестселлер «Нью-Йорк таймс»

Джон Перкинс

Новые признания экономического убийцы

Джон Перкинс

**Новые признания
экономического убийцы**

«Претекст»

2016

УДК 351.746.1: 33-051 (73) (093.3)

ББК 67.401.213+65.5 П 27

Перкинс Д.

Новые признания экономического убийцы / Д. Перкинс —
«Претекст», 2016

ISBN 978-5-98995-110-9

В предыдущей книге «Исповедь экономического убийцы» Джон Перкинс разоблачает разрушительные махинации «экономических убийц»: он пишет, что это высокооплачиваемые профессионалы, которые выкачивают триллионы долларов из стран по всему миру. Они пользуются такими методами, как фальсифицированные финансовые отчеты, подтасованные выборы, шантаж, вымогательства, секс и убийства. Сам Перкинс занимался кредитами: в его обязанности входило убеждать стратегически важные государства брать займы гигантские суммы денег на масштабные «научно-технические» проекты, нацеленные на поддержание интересов богатейших людей, при этом погружая страны в нищету и долги. А чем больше долг страны, тем легче ее контролировать. Страх и долги – вот на чем строится система экономических убийств. Нас запугивают, чтобы мы платили любые деньги, влезали в любые долги. Система экономических убийств – фиктивная экономика, взятки, слежка, обман, долги, государственные перевороты, убийства, злоупотребление военной силой – превратилась в доминирующую экономическую, государственную и социальную систему. В новой книге Перкинс подробно рассказывает о том, как он и другие, подобные ему, выполняли свою работу. Книга дополнена документальными подтверждениями деятельности «экономических убийц» за период 2004–2015 годы, а также скандальным разделом о том, что сейчас их методы применяются намного активнее, чем когда либо, – даже в самой Америке. Новый материал посвящен странам: Сейшельские острова, Гондурас, Эквадор, Ливия, Турция, Вьетнам, Китай, США и Западной Европе. Книга также выходила под названием «Новая исповедь экономического убийцы».

УДК 351.746.1: 33-051 (73) (093.3)

ББК 67.401.213+65.5 П 27

ISBN 978-5-98995-110-9

© Перкинс Д., 2016

© Претекст, 2016

Содержание

Предисловие	7
Введение	10
Часть первая:	12
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Джон Перкинс

Новые признания экономического убийцы

© John Perkins, 2016

© Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2016

© Студия Артемия Лебедева, дизайн обложки, 2018

© Претекст, авторизованный перевод, подготовка к изданию, 2019. Все права защищены.

* * *

*Посвящается моей бабушке, Луле Брисбин Муди,
научившей меня верить в правду, любовь и воображение, и моему
внуку, Гранту Итану Миллеру, который побуждает меня всеми силами
создавать мир, достойный его и всех детей, живущих на нашей планете.*

Предисловие

Экономические убийцы (ЭУ) – это высокооплачиваемые профессионалы, которые выманивают у разных государств по всему миру триллионы долларов. Деньги, получаемые этими странами от Всемирного банка, Агентства США по международному развитию (USAID) и других оказывающих «помощь» зарубежных организаций, они перекачивают в сейфы крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы. Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка результатов выборов, взятки, вымогательство, секс и убийство. Они играют в старую, как мир, игру, приобретающую сейчас, во времена глобализации, угрожающие размеры.

Я знаю, о чем говорю. Я сам был ЭУ.

Я написал эти слова в 1982 году. Так начиналась книга с рабочим названием «Совесть экономического убийцы». В книге рассказывалось о президентах двух стран, моих клиентах, людях, которых я уважал и считал родственными душами: Хайме Рольдосе, президенте Эквадора, и Омаре Торрихосе, президенте Панама. Незадолго до написания книги оба погибли в ужасных авариях. Их смерть не была случайностью. Их устранили, потому что они выступили против союза глав корпораций, правительств и банков, планировавшего создание глобальной империи. Нам, ЭУ, не удалось вовлечь Рольдоса и Торрихоса в эту компанию, и в игру вступили убийцы другого рода – направленные ЦРУ «шакалы», которые всегда подстраховывали наши действия.

Тогда меня отговорили писать эту книгу. В течение последующих 20 лет я четыре раза брался за нее снова. К этому меня подталкивало какое-нибудь событие в мире: вторжение США в Панаму в 1989 году¹, первая война в Персидском заливе², события в Сомали³, появление Усамы бен-Ладена⁴. Но всякий раз угрозами или взятками меня убеждали остановиться.

В 2003 году президент крупного издательства, которым владеет влиятельная международная корпорация, прочитал черновик того, что впоследствии превратилось в книгу «Исповедь экономического убийцы». По его словам, это была «захватывающая история, которую следует рассказать». Затем, печально улыбнувшись и покачав головой, он признался, что не возьмет на себя смелость опубликовать эту книгу, поскольку его начальству в международной штаб-квартире это может не понравиться. Он посоветовал написать на основе книги художественное произведение. «Мы могли бы продавать твои книги, если бы ты выступил как романист – подобно Джону Ле Карре или Грэму Грину».

Но эта книга – не художественное произведение. Это реальная история моей жизни. Более смелый издатель, не зависящий от международной корпорации, согласился помочь мне рассказать ее.

И все-таки, что же заставило меня забыть о взятках и угрозах?

Коротко можно ответить так. Моя единственная дочь, Джессика, окончив колледж, вступила в самостоятельную жизнь. Когда не так давно я сообщил ей, что собираюсь написать эту книгу, и поделился своими опасениями, она сказала: «Не волнуйся, папа. Если до тебя добе-

¹ Военная интервенция США в Панаму 20 декабря 1989 года с целью изменения политического режима. – Прим. ред.

² Война между Ираком и многонациональными силами во главе с США за освобождение и восстановление независимости Кувейта. – Прим. ред.

³ Операция «Возрождение надежды» (1992 год) – высадка американских войск на территории Сомали с целью вмешательства в гражданскую войну. – Прим. ред.

⁴ Усама бен-Ладен – лидер исламской террористической организации «Аль Каида». Признан террористом № 1 в США и других странах. Убит 2.05.2011 в результате спецоперации США в Пакистане. – Прим. ред.

рутся, я продолжу с того места, где ты остановишься. Мы должны сделать это для твоих будущих внуков, которых я надеюсь когда-нибудь тебе подарить».

Более развернутый ответ на этот вопрос предполагает и преданность стране, в которой я вырос; и верность идеалам, сформулированным отцами-основателями нашего государства, и мои обязательства перед Америкой, которая сегодня обещает «жизнь, свободу и возможность счастья» для всех людей и повсюду; и мое решение после 11 сентября 2001 года не сидеть сложа руки, наблюдая, как ЭУ превращают республику в глобальную империю. Это – скелет моего подробного ответа, кровь и плоть которого читатель найдет в последующих главах.

Почему меня не убили за такие признания? Я подробнеем образом объясню, как сама эта книга стала моей лучшей страховкой.

Это реальная история. Я прожил каждую ее минуту. Все описанное мною – это часть моей жизни. Хотя рассказ ведется обо мне, он все же предстает в контексте глобальных событий, которые повлияли на нашу историю, приведя нас туда, где мы сегодня находимся, и заложили основы будущего наших детей. Я старался максимально точно отразить все события, описать действующих лиц и передать разговоры. Рассуждая об исторических событиях или воссоздавая диалоги, я пользовался несколькими источниками: уже опубликованными документами; своими записями; воспоминаниями – как собственными, так и других участников этих событий; рукописями пяти других своих книг; историческими отчетами разных авторов, особенно недавно опубликованными и содержащими ранее засекреченную или закрытую по тем или иным соображениям информацию. Система ссылок позволяет заинтересовавшимся читателям более подробно разобраться в том или ином вопросе. В некоторых случаях я объединил в один диалог общение с людьми, происходившее в разные дни, чтобы не сбивать повествование.

Мой издатель спросил, действительно ли мы называли друг друга экономическими убийцами. Я заверил его, что так оно и было, хотя преимущественно использовалась аббревиатура ЭУ. В 1971 году, когда я начал работать со своим преподавателем Клодин, она предупредила меня: «Моя задача – сделать из вас экономического убийцу. Никто не должен знать о вашей работе, даже жена». Потом сказала серьезно: «Если вы принимаете решение этим заниматься, то будете заниматься этим всю жизнь». Впоследствии она редко употребляла словосочетание «экономический убийца», мы стали просто ЭУ.

Клодин не стеснялась в выражениях, описывая то, что мне придется делать. Моя работа, говорила она, будет заключаться в «подталкивании лидеров разных стран мира к тому, чтобы они всемерно способствовали продвижению коммерческих интересов Соединенных Штатов. В конце концов, эти лидеры оказываются в долговой яме, которая и обеспечивает их лояльность. При необходимости мы сможем использовать их в своих политических, экономических или военных целях. В свою очередь, они укрепляют собственное политическое положение, поскольку дают своим народам технопарки, электростанции и аэропорты. А тем временем владельцы инженерных и строительных компаний США становятся сказочно богатыми».

Если нас постигнет неудача, в игру вступят так называемые «шакалы» – более страшная разновидность экономических убийц! А если шакалы упустят добычу, делом займутся военные.

* * *

Прошло больше 12 лет после первой публикации «Исповеди экономического убийцы», и мы с моим первым издателем решили, что пора подготовить новую книгу. Читатели первой книги (2004 г.) прислали мне тысячи электронных сообщений, интересуясь, как ее выход в свет повлиял на мою жизнь, как я собираюсь искупить свою вину и изменить систему экономических убийств и чем они, в свою очередь, могут мне помочь. В этой книге я отвечаю на все вопросы.

Необходимость в новом издании книги вызвана еще и тем, что мир совершенно изменился. Система ЭУ – основанная на долгах и страхе – стала намного опаснее и вероломнее, чем в 2004 году. Экономические убийцы расширяют свои ряды чудовищными темпами, применяя все более изощренные формы обмана и маскировки. Сильнейший удар пришелся по нам – Соединенным Штатам Америки. Пострадал весь мир. Мы оказались на грани катастрофы – экономической, политической, социальной и экологической. Пора что-то изменить.

Эта история должна быть рассказана. Мы живем во времена тяжелейшего кризиса – и практически безграничных возможностей. История этого конкретного экономического убийцы показывает, как мы оказались в таком положении и почему так часто сталкиваемся с кризисами, которые кажутся непреодолимыми.

Эта книга – исповедь человека, который в те времена, когда я был экономическим убийцей, был членом сравнительно небольшой группы людей. Сейчас их стало намного больше. Они занимают благопристойные должности; ходят по коридорам 500 богатейших компаний мира, таких, как Exxon, Walmart, General Motors и Monsanto; они используют систему ЭУ, чтобы продвигать свои личные интересы.

По сути «Новая исповедь экономического убийцы» посвящена именно этой новой когорте ЭУ.

Это и ваша история, история вашего мира и моего мира. Все мы соучастники. Пора признать нашу собственную ответственность за то, каким стал этот мир. Экономические убийцы преуспели, потому что мы сотрудничаем с ними. Они соблазняют, увлекают и угрожают, но победу одерживают только тогда, когда мы закрываем глаза на их дела или поддаемся на их ухищрения.

Когда вы будете читать эти слова, в мире произойдут события, которые трудно даже себе представить. Пусть эта книга поможет вам по-новому взглянуть на эти события и на то, что нас ожидает в будущем.

Осознание проблемы есть первый шаг к ее решению. Признание греха есть путь к его искуплению. И пусть эта книга станет началом пути к нашему спасению. Пусть она поднимет нас на новые ступени сознательности и поможет воплотить мечту о гармоничном и достойном уважения обществе.

*Джон Перкинс.
Октябрь 2015*

Введение

Новые признания

Каждый день меня мучают призраки прошлого. Мне стыдно за ложь, которую я говорил, отстаивая интересы Всемирного банка. Стыдно за то, как я вместе с этим банком и его дочерними организациями помог американским корпорациям опутать своей ядовитой паутиной всю планету. Мне стыдно за «откаты» лидерам бедных стран, за шантаж и угрозы, что если они откажутся от кредитов, которые должны поработить их страны, шакалы ЦРУ либо свергнут их, либо убьют.

По ночам меня часто мучают кошмары – я вижу лица глав государств, моих друзей, погибших из-за того, что они отказались предать свой народ. Подобно леди Макбет из трагедии Шекспира, я пытаюсь смыть кровь со своих рук.

Но кровь – всего лишь симптом.

Раковая опухоль, которую мне удалось вскрыть в «Исповеди экономического убийцы», дала метастазы. Она укоренилась настолько глубоко и прочно, что охватила не только развивающиеся страны, но и США и весь мир; она пошатнула основы самой демократии, угрожая будущему нашей планеты.

Все инструменты экономических убийц и шакалов – фиктивная экономика, ложные обещания, угрозы, взятки, шантаж и вымогательства, займы, обман, государственные перевороты, убийства, военный произвол – применяются во всем мире намного активнее, чем десять лет назад, когда я впервые опубликовал свою исповедь. Несмотря на столь сильное расплывание рака, большинство людей даже не подозревают о нем; тем не менее каждый из нас страдает от его разрушительного воздействия. Он стал доминирующей системой в экономике, правительстве и обществе.

Эта система опирается на страх и долговое рабство. Нас со всех сторон убеждают в том, что мы обязаны сделать все возможное, заплатить любую цену, взять на себя любой долг, чтобы остановить врага, который, как нам внушают, готов в любой момент вломиться к нам в дом. При этом указывают внешний источник проблемы. Мятежники. Террористы. «Они». И для решения этой проблемы необходимо потратить гигантские суммы денег на товары и услуги корпоратократии, как я ее называю, – вездесущей сети корпораций, банков, правительств – участников тайного сговора, а также богатых и влиятельных людей, связанных с ними. Мы влезаем в долги; наша страна и ее ставленники во Всемирном банке и его дочерних организациях запугивают и принуждают другие страны влезать в долги; долг порабощает и нас, и их.

Эти стратегии создали «экономiku смерти», основанную на войне, долгах и расхищении природных ресурсов. Это разрушительная экономика, стремительно уничтожающая те ресурсы, от которых сама же зависит, и в то же время отравляющая воздух, которым мы дышим, воду, которую мы пьем, и пищу, которую мы едим. Хотя экономика смерти построена на некоем подобии капитализма, важно отметить, что слово «капитализм» предполагает экономическую и политическую систему, при которой торговля и промышленность контролируются частным капиталом, а не государством. Сюда входят и местные фермерские рынки, и крайне опасная форма глобального корпоративного капитализма, подвластного корпоратократии, хищнической по своей природе, которая и создала саморазрушительную экономiku смерти.

Я решил написать «Новые признания экономического убийцы», потому что за последние десять лет многое изменилось. Раковая опухоль охватила Соединенные Штаты Америки и весь мир. Богатые богатеют, а все остальные беднеют.

Мощный механизм пропаганды, созданный корпоратократией, убеждает нас принять догмы, служащие ее интересам, а не нашим. Они ухитряются внушить нам, что мы должны жить в системе, основанной на страхе и долгах, приобретая вещи и уничтожая всех, кто не похож на «нас». Они убедили нас в том, что система ЭУ обеспечит нам безопасность и счастье.

Некоторые видят источник нынешних проблем в глобальном тайном сговоре. Если бы все было так просто. Как я расскажу позже, в мире действуют сотни таких заговоров – а не просто один большой заговор – которые влияют на всех нас, однако система ЭУ подпитывается более опасными явлениями. Она опирается на принципы, которые превратились в нерушимую догму. Мы верим в то, что любой экономический рост идет на пользу человечеству и что чем выше рост, тем больше пользы. Точно так же мы верим в то, что люди, которые способствуют экономическому росту, заслуживают славы и почестей, а те, кто оказался на обочине жизни, годны лишь для эксплуатации. И мы верим, что любые средства, включая те, которые применяют сейчас экономические убийцы и шакалы, хороши для достижения экономического роста, сохранения нашего комфорта и достатка, западного образа жизни; мы считаем себя вправе воевать со всеми (например, с исламскими террористами), кто угрожает нашему экономическому благополучию, комфорту и безопасности.

В ответ на просьбы читателей я добавил множество новых подробностей и признаний о наших методах работы в те времена, когда я был экономическим убийцей, а также разъяснил некоторые моменты из предыдущего издания. А главное – я добавил совершенно новый раздел – пятую часть, которая объясняет, как сегодня ведутся игры экономических убийц: кто такие сегодняшние ЭУ, шакалы и как им удастся ложью и махинациями опутать и поработить намного больше людей, чем когда-либо.

Также по просьбе читателей я дополнил пятую часть книги новыми главами о том, как разрушить систему ЭУ, используя конкретные тактики.

В завершающем разделе «Документальное подтверждение деятельности экономических убийц за 2004–2015 годы» представлена подробная информация для читателей, которые ищут доказательства того, о чем я пишу в книге, и хотят изучить этот вопрос детальнее.

Несмотря на удручающую ситуацию и попытки современных олигархов разрушить демократию и всю планету, я не теряю надежду. Я знаю, что когда люди осознают истинные цели ЭУ, они сделают все возможное, чтобы удалить эту раковую опухоль и восстановить здоровье. Книга «Новые признания экономического убийцы» рассказывает о современных методах системы и о том, как мы с вами – все мы – можем изменить ситуацию.

Том Пейн вдохновил американских революционеров словами: «Если суждено прийти беде, пусть она придет в мои дни, чтобы мои дети жили в мире». Сейчас эти слова важны не меньше, чем в 1776 году. В этой книге я ставлю перед собой ту же цель, что и Пейн: вдохновить и призвать вас сделать все возможное, чтобы наши дети жили в мире.

Часть первая: 1963–1971 гг.

Глава 1 Грязный бизнес

Закончив обучение в бизнес-школе в 1968 году, я твердо решил не участвовать во Вьетнамской войне. Мы с Энн недавно поженились. Она тоже была против войны и согласилась вместе со мной на настоящее приключение – вступить в ряды Корпуса мира. Мне было 23 года. Мы прибыли в город Кито, столицу Эквадора, в 1968 году, где мне как волонтеру поручили организовать кредитно-сберегательные товарищества в глуши ливневых лесов Амазонки. Энн обучала местных женщин правилам гигиены и ухода за детьми.

До этого Энн ездила в Европу, а я впервые покинул пределы Северной Америки. Я знал, что Кито расположен на высоте 2850 метров над уровнем моря, это одна из самых высоких столиц мира – и одна из беднейших. Я готовился увидеть нечто совершенно новое для себя, но реальность оказалась шокирующей.

Когда наш самолет из Майами приземлился в местном аэропорту, меня поразили лачуги, облепившие взлетно-посадочную полосу. Показывая на них, я спросил сидевшего рядом бизнесмена из Эквадора:

– Там действительно живут люди?

– Наша страна не самая богатая, – ответил он, мрачно кивнув.

Зрелище, открывшееся перед нами по дороге в город, оказалось еще более удручающим – нищие в лохмотьях, ковылявшие на самодельных костылях вдоль замусоренных улиц, дети с раздувшимися животами, костлявые собаки и трущобы из картонных коробок вместо домов.

Автобус доставил нас в пятизвездочный отель Кито – InterContinental. Настоящий оазис комфорта и роскоши посреди нищеты. Здесь мне и еще 30 волонтерам Корпуса мира предстояло пройти несколько дней инструктажа.

На первой лекции нам рассказали, что Эквадор представляет собой нечто среднее между феодальной Европой и американским Диким Западом. Наши наставники предупредили обо всех опасностях: ядовитые змеи, малярия, анаконды, смертоносные паразиты и враждебно настроенные туземцы, охотящиеся за нашими скальпами. Затем добавили нотку позитива: компания Техасо обнаружила крупные месторождения нефти в ливневых лесах, неподалеку от нашего лагеря. Нас заверили, что нефть превратит Эквадор из беднейшей страны на планете в богатейшую.

Однажды вечером в ожидании лифта я разговорился с высоким блондином, который, судя по манере растягивать слова, был родом из Техаса. Он был сейсмологом, консультантом Техасо. Узнав, что мы с Энн – бедные волонтеры Корпуса мира, которые собираются работать в ливневых лесах, он пригласил нас на ужин в шикарный ресторан на последнем этаже отеля. Я поверить не мог такому везению. Взглянув на меню, я сразу понял, что ужин обойдется дороже, чем наше месячное пособие.

В тот вечер, когда я глядел из окна ресторана на Пичинча – гигантский вулкан, нависший над столицей Эквадора, и потягивал «Маргариту», меня заворожил этот человек с его образом жизни.

Он рассказал нам, что иногда летал на корпоративном самолете прямо из Хьюстона в джунгли Амазонки, где была прорублена посадочная полоса.

– Нам не приходится мучиться с паспортным контролем и таможней, – хвастался он. – Эквадорское правительство выдало нам особое разрешение.

В ливневых лесах он передвигался исключительно в трейлере с кондиционером, шампанским и бифштексом на фарфоровой посуде.

– Не совсем то, что ждет вас, – добавил он, посмеиваясь.

Затем он рассказал об отчете, в котором писал «об обширных запасах нефти в джунглях». Этот отчет, по его признанию, используют, чтобы оправдать гигантские займы стране от Всемирного банка и убедить Уолл-стрит инвестировать в Техасо и другие компании, которые получают прибыль от нефтяного бума. Когда я выразил удивление, что прогресс может идти такими стремительными темпами, он как-то странно посмотрел на меня.

– Чему вас только учат в бизнес-школах? – спросил он.

Я не нашел, что ответить.

– Слушайте, – продолжал он, – это старая игра. Я видел такое в Азии, на Среднем Востоке и в Африке. Теперь и здесь. Сейсмические отчеты плюс неплохое месторождение нефти, как тот фонтан, на который мы сейчас наткнулись... – Он улыбнулся. – Вот вам и экономический бум!

Энн отметила всеобщее воодушевление эквадорцев тем, что нефть обеспечит им достаток и благополучие.

– Только тем, кто достаточно умен, чтобы играть по правилам, – ответил он.

Я вырос в одном из городков Нью-Гемпшира, названном в честь человека, который построил свой дом на холме, выше всех, на деньги, которые он скопил, продавая лопаты и одеяла калифорнийским золотодобытчикам в 1849 году.

– Коммерсанты, – начал я, – бизнесмены и банкиры.

– Точно. И на сегодняшний день – крупные корпорации. – Он откинулся на спинку стула. – Эта страна принадлежит нам. Мы получили намного больше, чем разрешение прилетать сюда без таможенных формальностей.

– Например?

– Вам многому придется научиться, как видно. – Он поднял свой «Мартини», указывая на город за окном. – Для начала мы контролируем военных. Выдаем им зарплату и оплачиваем всю технику и оружие. А они защищают нас от индейцев, которым совершенно не нужны буровые вышки на их земле. В Латинской Америке тот, кто контролирует армию, контролирует и президента, и суд. Мы даже законы свои можем писать – сами определяем штраф за утечку нефти, зарплату, то есть все, что касается нас.

– Техасо платит за все это? – спросила Энн.

– Не совсем... – Он нагнулся к ней через стол и погладил по руке. – Вы платите. Или ваш папочка. Американский налогоплательщик. Деньги поступают через Агентство США по международному развитию, Всемирный банк, ЦРУ и Пентагон, но здесь – он махнул рукой в сторону города, видневшегося в окне, – считают, что во главе всего стоит Техасо. Вы ведь помните, что такие страны, как эта, могут похвастаться богатой историей государственных переворотов. Если хорошо покопаться, то станет ясно, что чаще всего это происходит тогда, когда лидеры страны отказываются играть по нашим правилам.

– Вы хотите сказать, что Техасо свергает правительства? – спросил я.

Он рассмеялся.

– В двух словах: правительства, которые не сотрудничают, считаются советскими марионетками. Они угрожают американским интересам и демократии. А ЦРУ это не нравится.

В тот вечер началось мое обучение тому, что позже я назвал системой экономических убийств.

Несколько месяцев мы с Энн прожили в ливневых лесах Амазонки. Затем нас перевели в Анды, где мне поручили помочь кооперативу производителей кирпича повысить произво-

длительность их устаревших печей для обжига. Энн обучала людей с физическими и иными отклонениями, чтобы они могли найти работу на местных предприятиях.

В Эквадоре была крайне низкая социальная мобильность. Нескольким богатым семьям, *ricos*, принадлежало буквально все, включая местный бизнес и политику. Их агенты покупали кирпичи у производителей по самой низкой цене и затем продавали их в десять раз дороже. Один из производителей кирпича пожаловался мэру. Несколько дней спустя его насмерть сбила машина.

Местное сообщество пришло в ужас. Люди убеждали меня, что его убили. Мои подозрения укрепились, когда шеф полиции объявил, что погибший участвовал в кубинском заговоре, нацеленном на установление в Эквадоре коммунистической власти (Че Гевару казнили в Боливии в результате операции ЦРУ почти три года назад). Он намекнул, что любой производитель кирпичей, который нарушит установившийся порядок, будет арестован как мятежник.

Кирпичники умоляли меня пойти к богачам и все уладить. Они были готовы на все, лишь бы умиловить тех, кого боялись, – веря, что богачи защитят их, если они сдадутся.

Я не знал, как поступить. Не имея никакого влияния на мэра, я решил, что вмешательство 25-летнего иностранца лишь усугубит ситуацию. Так что я просто выслушивал этих людей и сочувствовал им.

Со временем я понял, что богачи – часть системы, запугивавшей андийские народы еще со времен испанских завоевателей. Я понимал, что мое молчаливое сочувствие вредит местным жителям. Им надо было научиться бороться со своими страхами; им надо было дать волю гневу, который они подавляли столько лет; им надо было осознать несправедливость, от которой они страдали; им надо было перестать ждать помощи от меня. Им надо было противостоять богачам.

Однажды вечером я обратился к местным жителям, сказав, что им пора действовать. Необходимо сделать все возможное – даже рискнуть жизнью – чтобы обеспечить процветание и мир своим детям.

Осознание того, что могу вдохновить этих людей, оказалось для меня важным уроком. Я понял, что сами люди стали невольными соучастниками этого заговора, и единственный выход из ситуации – убедить их действовать. И это сработало.

Производители кирпичей организовали кооператив. Каждая семья предоставила определенное количество кирпичей, доход с которых кооператив использовал для аренды грузовика и склада в городе. Богачи бойкотировали кооператив, пока лютеранская миссия из Норвегии не заключила соглашение с кооперативом на строительство школы, заплатив за кирпичи примерно в пять раз больше, чем платили богачи, но при этом в два раза меньше, чем если бы они покупали их у богачей. Кооператив процветал.

Примерно через год мы с Энн завершили свою работу в Корпусе мира. Мне было 26 лет, и я вышел из призывного возраста. Я стал экономическим убийцей.

Впервые вступив в их ряды, я убедил себя, что поступаю правильно. Южный Вьетнам попал под влияние коммунистического Севера, и теперь Советский Союз и Китай стали угрозой для всего мира. В бизнес-школе меня учили, что финансирование инфраструктурных проектов через гигантские займы у Всемирного банка выведет развивающиеся страны из бедности и вырвет их из когтей коммунизма. Эксперты Всемирного банка и Агентства США по международному развитию укрепили мою убежденность в этом.

К тому времени, когда мне стала ясна вся лживость этих басен, я накрепко завяз в системе. Я учился в закрытой школе в Нью-Гемпшире и жил небогато, а теперь стал зарабатывать кучу денег, путешествовал первым классом в страны, о которых мечтал всю жизнь, останавливался в лучших гостиницах, ел в шикарных ресторанах и встречался с главами государств. И всего этого я добился сам. Мне и в голову не приходило все бросить.

А потом начались кошмары.

Я просыпался ночами в номерах шикарных отелей, терзаясь образами увиденных мною реальных картин: безногие больные проказой, привязанные к деревянным ящикам на колесах, катили по улицам Джакарты; мужчины и женщины, купающиеся в желто-зеленых водах канала, куда другие в это же время справляли нужду; труп человека в мусорной куче, кишасший червями и мухами; и дети, ночующие в картонных коробках и воюющие со стаями бродячих собак за объедки. Я понял, что эмоционально отстранился от всего этого. Подобно другим американцам, я даже не считал этих существ за людей; они были «попрошайками», «неудачниками» – «другими».

Однажды мой лимузин, предоставленный индонезийским правительством, остановился на светофоре. Больной проказой протянул ко мне через окно свои окровавленные обрубки. Мой водитель накричал на него. Тот криво ухмыльнулся, обнажив беззубый рот и отошел. Машина тронулась, но его дух словно остался со мной. Казалось, он искал именно меня; его кровавый обрубок был предупреждением, его улыбка – посланием. «Исправься», – будто говорил он. – «Покайся».

Я стал внимательнее смотреть на мир вокруг меня. И на себя. Я осознал, что моя жизнь безрадостна, несмотря на все атрибуты успеха. Я глотал валиум каждую ночь и слишком много пил. Я просыпался по утрам, накачивался кофе и таблетками и тащился на переговоры, где заключал контракты на сотни миллионов долларов.

Такая жизнь казалась мне абсолютно нормальной. Я верил в то, что делал. Я влез в долги, чтобы не отказываться от привычного комфорта. Мною руководил страх – страх коммунизма, потери работы, неудачи и лишения всех тех материальных благ, в которых, как мне внушали, я нуждался.

Однажды ночью меня разбудил кошмар иного рода.

Я вошел в кабинет руководителя страны, где только что открыли крупное месторождение нефти.

– Наши строительные компании, – начал я, – планируют арендовать оборудование в франшизе «Джон Дир», принадлежащей вашему брату. Мы заплатим в два раза больше текущих цен; ваш брат может поделиться прибылью с вами.

Во сне я продолжал объяснять, что мы собираемся заключить такие же соглашения с его друзьями, владевшими заводом по розливу «Кока-Колы», и с другими поставщиками продуктов питания и напитков, а также с подрядной организацией, которая будет нанимать работников. Все, что ему нужно сделать, – взять кредит во Всемирном банке, который позволит нанять американские корпорации для реализации инфраструктурных проектов в его стране.

Затем я вскользь отметил, что в случае отказа им займутся шакалы.

– Помните, – сказал я, – что стало с... – Я зачитал список имен, таких, как Моссадык в Иране, Арбенс в Гватемале, Альенде в Чили, Лумумба в Конго, Зьем во Вьетнаме⁵.

– Все они, – продолжал я, – были свергнуты или... – я провел пальцем по шее, – потому что отказались играть по нашим правилам.

Я лежал в холодном поту на кровати и с ужасом понимал, что этот кошмар отражает мою реальность. Именно этим я и занимался.

Мне было нетрудно убедить государственных чиновников, как из моего сна, внушительными данными, которые они могли использовать для оправдания займа перед своим народом.

⁵ *Мохаммед Мосаддык* – демократически избранный премьер-министр Ирана, проводивший в 1951–1953 гг. прогрессивные реформы, включая национализацию нефтегазового сектора, за что был свергнут в результате переворота, организованного спецслужбами США и Великобритании (операция «Аякс»). *Хакобо Арбенс Гусман* – президент Гватемалы, проводивший в 1951–1954 гг. прогрессивные реформы, был свергнут в ходе военного переворота, организованного ЦРУ. *Сальвадор Альенде Госсенс* – президент Чили с 1970 года, погиб в результате военного переворота. *Патрис Эмери Лумумба* – первый премьер-министр Демократической Республики Конго, один из символов борьбы народов Африки за независимость, арестован в 1960 году, убит в 1961-м. *Нго Динь Зьем* – первый президент Республики Вьетнам, убит в результате военного переворота. – *Прим. пер.*

Мой штат экономистов, финансовых экспертов, статистиков и математиков мастерски составлял фальсифицированные эконометрические модели, доказывающие, что подобные инвестиции – в системы энергоснабжения, строительство трасс, портов, аэропортов и промзон – обеспечат экономический рост.

Многие годы я тоже верил во все эти модели и убеждал себя, что мои действия идут на благо той или иной стране. Я оправдывал свою работу тем, что ВВП действительно растет после строительства инфраструктуры. Теперь мне пришлось столкнуться с фактами, скрывающимися за математическими расчетами. Статистические данные были слишком предвзяты; они учитывали лишь интересы семей, владевших промышленностью, банками, торговыми центрами, супермаркетами, гостиницами и другим бизнесом, чье процветание зависело от инфраструктуры, которую мы строили.

Они богатели.

Остальные страдали.

Деньги, выделенные на здравоохранение, образование и другие социальные услуги, шли на оплату процентов по кредитам. Конечно, погасить весь заем не удавалось; долги сковывали страну, словно кандалы. И тогда появлялись «убийцы» Международного валютного фонда и требовали, чтобы правительство продавало нашим корпорациям нефть или другие ресурсы по сниженной цене, чтобы страна приватизировала энергосистемы, водоснабжение, канализацию и другие сферы частного сектора и продала их корпоратократии. Крупный бизнес получал все.

Каждый раз выдвигалось одно неизменное условие займов: все инфраструктурные проекты должны были строить наши проектные и строительные компании. Большая часть денег так и не покидала США; их просто перенаправляли из банков Вашингтона в проектные фирмы Нью-Йорка, Хьюстона или Сан-Франциско. Мы, экономические убийцы, также следили за тем, чтобы страны-должники соглашались покупать самолеты, лекарства, машины, компьютеры и другие товары и услуги у наших корпораций.

Несмотря на то что деньги практически сразу возвращались к членам корпоратократии, страны-должники были обязаны выплатить весь долг плюс проценты. Если ЭУ действовали успешно, кредиты вырастали до таких размеров, что через несколько лет должники были не в состоянии выполнить свои обязательства по выплатам. Когда такое происходило, мы, ЭУ, как мафия, начинали вымогать свой кусок пирога. Обычно это касалось двух пунктов: возможность контролировать голоса в ООН, расположить свои военные базы на территории страны или получить доступ к ценным ресурсам, например, к нефти. При этом долг никто не отменял – просто к нашей глобальной империи добавлялась еще одна страна.

Эти кошмары помогли мне осознать, что я живу не той жизнью, к которой стремился. Я решил, что мне, подобно андийским производителям кирпича, пора нести ответственность за свою жизнь – за то, что я сделал с собой и с другими людьми и странами. Но прежде чем я сумел понять всю значимость своего решения, мне пришлось ответить на важный вопрос: каким образом хороший парень из сельского Нью-Гемпшира впутался в такой грязный бизнес?

Глава 2

Рождение экономического убийцы

Все началось вполне невинно.

Я родился в 1945 году. Единственный ребенок в семье из нижнего слоя среднего класса. Мои предки обосновались в Новой Англии три века назад. Несколько поколений предков пуритан дали себя знать в строгих, моралистических взглядах моих родителей. Они первыми в своих семьях получили образование в колледже – за счет государственных стипендий. Моя мать стала преподавателем латыни в старших классах. Мой отец участвовал во Второй мировой войне. Лейтенант военно-морских сил, он командовал орудийным расчетом на танкере торгового флота в Атлантике. Когда я родился в Ганновере в Нью-Гемпшире, он лечил перелом бедра в техасском госпитале. Я увидел его только тогда, когда мне уже исполнился год.

Отец стал преподавать иностранные языки в школе Тилтон, интернате для мальчиков, в сельском Нью-Гемпшире. Здание интерната располагалось на холме, гордо – некоторые говорили «высокомерно» – возвышаясь над городом-тезкой. Набор в это привилегированное учебное заведение был ограничен пятьюдесятью местами в каждом классе, с девятого по двенадцатый. Ученики были в основном отпрысками состоятельных семей из Буэнос-Айреса, Каракаса, Бостона и Нью-Йорка. В семье не хватало денег, однако мы ни в коем случае не считали себя бедными. Хотя зарплата школьных учителей была весьма скромной, многое мы получали бесплатно: еду, жилье, отопление, воду, услуги рабочих, косивших газон и убиравших снег. Начиная с четвертого года жизни, я питался в столовой подготовительной школы, подавал мячи в футбольной команде, в которой отец был тренером, и выдавал полотенца в раздевалке.

Учителя и их жены свысока относились к местным жителям. Я много раз слышал, как мои родители в шутку говорили, что они лорды в поместье, управляющие крестьянами, – имелись в виду обитатели городка. Я знал, что это не просто шутка.

Когда я учился в начальных и средних классах, моими друзьями были ребята из очень бедных крестьянских семей. Их родители – чернорабочие, трудившиеся на фермах и мельницах, и лесорубы – пренебрежительно относились к «приготовишкам на горе».

В свою очередь, и мои родители не поощряли общения с городскими девчонками, называя их «шлюхами» и «потаскушками». С первого класса я дружил с этими девочками, мы обменивались книгами и мелками; со временем я по очереди влюбился в трех из них: Энн, Присциллу и Джуди. Мне было очень трудно принять точку зрения своих родителей, тем не менее я подчинился их воле.

Каждый год мы проводили летний трехмесячный отпуск отца в коттедже на берегу озера. Его построил мой дед в 1921 году. Дом стоял в лесу, поэтому по ночам до нас доносились крики совы и рык горных львов. У нас не было соседей. Я был единственным ребенком на всю округу. Мне представлялось, что деревья вокруг – это рыцари Круглого стола и прекрасные дамы, которых я от тоски называл в разные годы Энн, Присцилла или Джуди. Мои чувства, без сомнения, ничуть не уступали страсти Ланцелота к Гинебре и были даже еще более потаенными.

В 14 лет я получил право на бесплатное обучение в школе Тилтон. Под давлением родителей я порвал все нити, связывавшие меня с городком, и больше уже никогда не видел своих старых друзей. Когда мои новые одноклассники разъезжались на каникулы в свои особняки и пентхаусы, я оставался в школе один. Их подружки были «дебютантками» – дочерьми из родовитых семей. У меня вообще не было подружек. Все мои знакомые девочки были «потаскушками». Я прекратил общение с ними, и они забыли обо мне. Я остался один, что очень огорчало меня.

Мои родители были мастерами манипуляции. Они уверяли меня, что учиться в этой школе – большая честь; со временем я пойму это и буду им благодарен. Я найду прекрасную жену, отвечающую высоким моральным принципам нашей семьи. Внутри я кипел. Я жаждал общения с противоположным полом, и мысль о «потаскушке» была в высшей степени соблазнительной.

Однако вместо того чтобы восстать, я подавил свое негодование. Мое недовольство нашло выражение в стремлении стать лучшим во всем. Я был отличником, капитаном двух школьных команд, редактором школьной газеты. Я был полон решимости выделиться среди своих богатых одноклассников и навсегда оставить школу Тилтон. В выпускном классе мне предложили полную спортивную стипендию для получения образования в Брауне, а также академическую стипендию для обучения в Миддлбери. Я выбрал Браун, прежде всего потому, что мне нравилось заниматься спортом, а также потому, что он находился в городе. Моя мать окончила Миддлбери, отец получил там степень магистра, поэтому родители предпочли Миддлбери, хотя Браун и входил в «Лигу плюща»⁶.

– А если ты сломаешь ногу? – спросил отец. – Академическая стипендия лучше.

Я уступил.

В моем понимании Миддлбери был увеличенной копией Тилтона, хотя и находился в Вермонте, а не в Нью-Гемпшире. Да, в нем было совместное обучение. Но я был беден, остальные студенты – богаты. Четыре года я учился в школе с раздельным обучением, где не было ни одной ученицы. Мне не хватало уверенности в себе, и я чувствовал себя жалким отщепенцем. Я умолял отца разрешить мне уйти из колледжа или хотя бы взять годовой отпуск. Мне хотелось уехать в Бостон, где бы я мог больше узнать о жизни и о женщинах. Он даже слушать об этом не хотел.

– Как я смогу готовить учеников к поступлению в колледж, если мой собственный сын не хочет в нем учиться? – спрашивал он.

Я пришел к пониманию, что жизнь есть набор случайных обстоятельств. То, как мы на них реагируем, как мы проявляем свою так называемую свободную волю, – это и есть наша сущность. Выбор, который мы делаем на поворотах судьбы, и определяет, что мы собой представляем. В Миддлбери произошли две случайные встречи, определившие мою судьбу. Одна – с иранцем, сыном генерала, личного советника шаха. Другая – с красивой молодой женщиной по имени Энн.

Иранец, я буду называть его Фархадом, ранее был профессиональным футболистом в Риме. Природа наградила его атлетической статью, черными вьющимися волосами, карими глазами с мягким взглядом. Все это в совокупности с его прошлым и особой харизмой производило неотразимое впечатление на женщин. Во многом он был моей противоположностью. Мне пришлось потрудиться, чтобы завоевать его дружбу. Он научил меня многим вещам, которые впоследствии мнегодились. Кроме того, я познакомился с Энн. И хотя у нее был молодой человек из другого колледжа, она взяла меня под свое крыло. Наши платонические отношения стали моей первой настоящей любовью.

Общаясь с Фархадом, я начал выпивать, ходить на вечеринки, перестал слушаться родителей. Я сознательно забросил учебу, решив сломать свою «академическую ногу», чтобы отомстить отцу. Оценки ухудшились, меня лишили стипендии. После полутора лет обучения я решил бросить колледж. Отец грозил отречься от меня, Фархад подзадоривал. Я ворвался в кабинет декана и потребовал, чтобы меня отчислили. Это был поворотный момент в моей жизни.

⁶ «Лига плюща» – ассоциация восьми самых престижных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. – *Прим. ред.*

Мы с Фархадом отмечали мой уход из колледжа в местном баре. Пьяный фермер, огромный мужик, решив, что я флиртую с его женой, поднял меня в воздух и швырнул о стену. Фархад бросился на помощь и, выхватив нож, полоснул фермера по щеке. Затем он потащил меня к окну и выпихнул на карниз, высоко нависший над заливом Выдр. Мы оба прыгнули на землю и, пробравшись берегом реки, вернулись в общежитие. На следующее утро, когда меня допрашивал полицейский, я наврал, что ничего не знаю о случившемся. Тем не менее Фархада исключили. Мы оба переехали в Бостон, где вместе сняли квартиру. Я нашел работу персонального помощника главного редактора в Record American/Sunday Advertiser.

В том же 1965 году нескольких моих коллег по газете призвали в армию. Для того чтобы не попасть под призыв, я поступил в Бостонский университетский колледж делового администрирования. К тому времени Энн уже порвала со своим парнем и теперь часто приезжала ко мне из Миддлбери. Мне было приятно ее внимание. Она окончила колледж в 1967 году, мне же еще оставалось год учиться. Энн категорически отказалась переезжать ко мне до того, как мы поженимся. Хотя я и шутил, что меня шантажируют, действительно обижаясь на подобное, на мой взгляд, устаревшее ханжеское отношение, которое напоминало моральные принципы моих родителей, мне нравилось быть с ней вместе и хотелось большего. Мы поженились.

Отец Энн, прекрасный инженер, в свое время изобрел навигационную систему для важного класса ракет, за что получил высокую должность в военно-морском департаменте. Его лучший друг, которого Энн называла дядей Фрэнком (это вымышленное имя), занимал руководящий пост в высших эшелонах Управления национальной безопасности (УНБ), самой малоизвестной – и, по моим оценкам, самой крупной – шпионской организации в стране.

Вскоре после нашей женитьбы меня как лицо призывного возраста вызвали на медосмотр. Я был признан годным для армейской службы. Передо мной встала перспектива Вьетнама по окончании университета. Сама мысль о том, что придется сражаться в Юго-Восточной Азии, казалась ужасной, хотя война всегда была притягательна для меня. Я воспитывался на рассказах о своих предках – колонизаторах, среди которых были Томас Пейн и Этан Аллен. В Новой Англии и северной части штата Нью-Йорк я прошел по местам сражений всех войн: войны с индейцами и Войны за независимость. Я прочел все исторические романы, которые смог найти. Когда специальные подразделения американской армии только вошли в Юго-Восточную Азию, я мечтал о том, чтобы меня призвали. Но по мере того как средства массовой информации рассказывали о грубых промахах и непоследовательности американской политики, мое отношение к войне менялось. Я задавал себе вопрос: на чьей стороне был бы Пейн? Уверен, что он присоединился бы к нашим врагам – вьетконговцам.

На помощь пришел дядя Фрэнк. Он сообщил мне, что работа в УНБ дает право на отсрочку от армии, и организовал несколько собеседований в своем управлении, включая целый день изнурительных тестов на полиграфе. Мне сообщили, что все эти собеседования и тесты помогут определить мою пригодность для работы в УНБ и выявить мои сильные и слабые стороны, чтобы подобрать наиболее подходящую работу. Учитывая мое отношение к Вьетнамской войне, я был убежден, что провалю эти тесты.

В ходе собеседований я, будучи лояльным гражданином США, высказался против войны и был поражен тем, что мои экзаменаторы не стали углубляться в эту тему. Вместо этого они сосредоточились на моем воспитании, моем отношении к родителям, моих чувствах бедного пуританина, выросшего среди обеспеченных одноклассников, которые вкушали все радости жизни. Они подробно расспрашивали меня о моих переживаниях, вызванных отсутствием сексуальных отношений с женщинами и денег, а также о фантазиях, которые они порождали. Меня поразило внимание, с которым они отнеслись к моим отношениям с Фархадом, особенно к эпизоду в баре с полицейскими, которым я не выдал его.

Поначалу я думал, что все эти вещи, на мой взгляд, говорившие о моих недостатках, не позволят принять меня в УНБ. Но собеседования продолжались, а это свидетельствовало

об обратном. Только через несколько лет я понял, что для УНБ мои недостатки были, скорее, достоинствами. Свои оценки они основывали не на моей преданности стране, а на неудовлетворенности, которую вызывали во мне различные жизненные обстоятельства. Злость на родителей, одержимость женщинами, стремление к хорошей жизни оказались тем крючком, на который меня можно было подцепить. Мое желание быть первым в учебе и спорте, мой бунт против отца, мое умение ладить с иностранцами, моя готовность лгать полиции – это было как раз то, что они искали. Позднее я узнал, что отец Фархада сотрудничал с разведкой США в Иране; соответственно, моя дружба с ним была со всей определенностью записана мне в плюс.

Через несколько недель после тестирования в УНБ мне предложили обучаться искусству шпионажа. Занятия должны были начаться спустя несколько месяцев после окончания Бостонского университета. Однако прежде чем официально принять это предложение, я, повинаясь внутреннему порыву, посетил семинар, который проводил в университете рекрутер Корпуса мира. Самым привлекательным моментом было то, что работа в Корпусе мира, как и в УНБ, давала право на отсрочку от армии.

Решение посетить этот семинар, казалось бы, совсем случайное, сыграло важную роль в моей судьбе. Рекрутер рассказал о нескольких районах на земном шаре, где особенно остро требовалась помощь добровольцев. Одним из таких мест были ливневые леса Амазонки, где, по его словам, население вело примерно такой же образ жизни, как коренные жители Северной Америки до появления европейцев. Я всегда мечтал пожить, как абнаки, населявшие Нью-Гемпшир в те времена, когда там впервые появились мои предки. Я знал, что в моих жилах течет и кровь абнаки. Мне хотелось изучить законы леса, которые так хорошо понимали мои предки. После выступления рекрутера я подошел к нему и поинтересовался возможностью получения назначения на Амазонку. Он говорил, что в этом регионе потребность в добровольцах значительна, поэтому у меня есть великолепные шансы туда попасть. Я позвонил дяде Фрэнку.

К моему удивлению, дядя Фрэнк с одобрением отнесся к моей идее насчет Корпуса мира. Он признался мне, что после падения Ханоя, а в те дни люди его ранга уже не сомневались в этом, Амазонка станет горячим местечком.

– Место напичкано нефтью, – сказал он. – Нам понадобятся там хорошие агенты – люди, умеющие общаться с местными.

Он считал, что Корпус мира станет для меня великолепной школой, настоятельно рекомендуя хорошо изучить испанский язык, а также местные диалекты.

– Возможно, – усмехнулся он, – в конечном итоге ты окажешься в частной фирме, а не на государственной службе.

Тогда я не понял, что он имел в виду. Меня переводили из категории шпионов в ЭУ, хотя в то время я не знал этого термина, о котором услышал только через несколько лет. Я не представлял себе, что сотни людей, мужчин и женщин, во всем мире работают на консалтинговые компании, фирмы и другие частные организации. Эти люди никогда не получали ни пенни от государства и тем не менее служили интересам империи. Не мог я представить себе и того, что количество людей, занимающих еще более благозвучные должности, будет исчисляться тысячами к началу XXI века, а я сыграю значительную роль в формировании этой растущей армии.

Мы с Энн написали заявления о приеме на работу в Корпус мира, попросив направить нас в бассейн Амазонки. Когда мы получили уведомление о приеме на работу, нашему разочарованию не было предела. В письме говорилось, что мы будем работать в Эквадоре.

О нет, подумал я. Я же хотел на Амазонку, а не в Африку. Я стал искать Эквадор в атласе. К моему удивлению, на Африканском континенте его не было, но в указателе я обнаружил, что Эквадор действительно находится в Латинской Америке. На карте было видно, что истоки могучей Амазонки берут свое начало в андских ледниках на территории Эквадора. Далее я узнал, что джунгли Эквадора – самые обширные и труднопроходимые в мире, а местные

жители ведут сегодня такой же образ жизни, как и их предки тысячелетия назад. Мы приняли это назначение.

Окончив курсы Корпуса мира в Южной Калифорнии, мы в сентябре 1968 года направились в Эквадор и оказались среди людей, которые действительно жили так, как коренное население Северной Америки до колонизации. В Андах мы работали с потомками инков. Я никогда не думал, что подобные места еще сохранились. Ведь до этого единственными латиноамериканцами, с которыми мне доводилось общаться, были состоятельные ученики в школе, где преподавал отец.

Мне понравились туземцы, жившие охотой и земледелием. Я ощущал странное родство с ними. Каким-то образом они напоминали мне друзей-бедняков из городка моего детства.

Однажды на взлетно-посадочной полосе нашей общины появился человек в деловом костюме, Эйнар Грив. Он был вице-президентом Chas. T. Main, Inc. (MAIN), международной консалтинговой фирмы. Эта организация, предпочитавшая оставаться в тени, изучала целесообразность выдачи Всемирным банком миллиардного кредита Эквадору и его соседям на строительство гидроэлектростанций и других объектов инфраструктуры. Эйнар, к тому же, был еще и полковником запаса армии США.

Он начал вести со мной разговоры о преимуществах работы в такой организации, как MAIN. Когда я упомянул, что до вступления в Корпус мира меня приняли в УНБ, поэтому мне предстоит вернуться к ним, он сообщил мне, что иногда выступает как их посредник. Он посмотрел на меня так, как будто оценивал мои возможности. Теперь я понимаю: он занимался обновлением моего досье; особенно его интересовала моя способность к выживанию в условиях, которые большинству жителей Северной Америки показались бы враждебными.

Пару дней мы вместе провели в Эквадоре, а потом поддерживали связь по почте. Он попросил готовить для него отчеты с оценкой экономических перспектив Эквадора. У меня с собой была портативная пишущая машинка, я любил печатать и с удовольствием выполнял его просьбу. За год я послал ему по меньшей мере пятнадцать подробных писем, в которых высказывал свое мнение о политическом и экономическом будущем Эквадора, а также оценивал растущее недовольство туземцев, их попытки противостоять нефтяным компаниям, международным агентствам по развитию и прочим организациям, пытающимся приобщить их к цивилизации.

Когда моя миссия по линии Корпуса мира была выполнена, Эйнар пригласил меня на собеседование в штаб-квартиру MAIN в Бостоне. В беседе он подчеркнул, что основным бизнесом MAIN была инженерия, но крупнейший клиент MAIN, Всемирный банк, недавно потребовал, чтобы они взяли в штат экономистов для составления экономических прогнозов выполнимости и определения важности инженерных проектов. Эйнар посоветовал, что нанял трех экономистов очень высокой квалификации с безупречными дипломами: двух – со степенью магистра и одного доктора наук. Они все провалились самым жалким образом.

– Никто из них, – сказал Эйнар, – не в состоянии сделать экономический прогноз по странам, где нет надежной статистики.

Он рассказал мне, что их также не устроили условия контракта, по которому им предстояло выезжать в такие отдаленные страны, как Эквадор, Индонезия, Иран и Египет, чтобы интервьюировать местных руководителей и самим оценивать перспективы экономического развития в этих регионах. С одним случился нервный срыв в отдаленной панамской деревне; панамские полицейские сопроводили его в аэропорт и отправили обратно в Штаты.

– Твои письма свидетельствуют о том, что ты в состоянии работать даже при отсутствии доступа к достоверным данным. А учитывая условия, в которых тебе довелось существовать в Эквадоре, ты, я уверен, сможешь выжить почти везде.

Он сказал, что уже уволил одного экономиста и готов поступить таким же образом с остальными, если я соглашусь на эту работу.

Вот так и получилось, что в январе 1971 года мне предложили должность экономиста в MAIN. Мне исполнилось двадцать шесть – чудесный возраст, когда становишься неинтересным для призывной комиссии. Я посоветовался с семьей Энн. Они поддержали меня в выборе работы. Думаю, в этом сыграло свою роль и мнение дяди Фрэнка. Я вспомнил, что он говорил о моей возможной работе в частной фирме. Об этом никогда не упоминалось, но у меня нет никаких сомнений, что получению должности в MAIN я был обязан не только своему опыту работы в Эквадоре и желанию писать об экономической и политической ситуации в этой стране, но и усилиям дяди Френка, предпринятым им тремя годами раньше.

Голова у меня кружилась еще несколько недель: я очень гордился собой, поскольку моя степень бакалавра Бостонского университета вовсе не гарантировала должность экономиста в такой солидной консалтинговой компании. Я знал, что многие мои университетские сокурсники, избежавшие армии и вернувшиеся в университет для продолжения образования и получения степени магистра, изойдут завистью. Я уже видел себя лихим секретным агентом в экзотической стране, развалившимся в шезлонге у бассейна в отеле с бокалом martinis в руке в окружении шикарных женщин в бикини.

Хотя это были всего лишь фантазии, я вскоре понял, что в них была доля правды. Эйнар нанимал меня экономистом, но очень скоро мне предстояло узнать, что моя настоящая работа выходила далеко за рамки этой должности и на самом деле была гораздо ближе тому, чем занимался Джеймс Бонд, нежели я мог себе представить.

Глава 3

На всю жизнь

MAIN, выражаясь юридическим языком, была «корпорацией закрытого типа»: компанией владели около пяти процентов сотрудников из двух тысяч. Их называли «партнерами», или «компаньонами», и занять это положение хотели бы многие. Эти люди не только стояли на верху иерархической лестницы, но и делали немалые деньги. Партнеров отличало умение молчать. Они общались с главами государств, с генеральными директорами корпораций, то есть с людьми, которые ожидают от своих консультантов, например адвокатов и психотерапевтов, строжайшей конфиденциальности. Любые контакты с прессой запрещены. Они вообще не допускались. Поэтому понятно, что о нас мало кто знал, кроме самих сотрудников MAIN, хотя имена наших конкурентов были на слуху: Arthur D. Little, Stone&Webster, Brown&Root, Halliburton и Bechtel.

Я говорю «конкуренты» условно, поскольку MAIN уникальна в своем роде. Большинство наших сотрудников были инженерами, при этом фирма не владела никаким оборудованием и не построила даже складского барака. Многие пришли из вооруженных сил, тем не менее мы никогда не заключали контракты с министерством обороны или с другими военными ведомствами. То, чем мы торговали, было настолько своеобразно, что первые несколько месяцев я не мог понять, чем мы вообще занимаемся. Я знал только, что мое первое настоящее задание будет связано с Индонезией, куда мне предстоит поехать в составе группы из одиннадцати человек для разработки генерального плана развития энергетики на острове Ява.

Я заметил, как Эйнар и другие сотрудники, обсуждавшие со мной мою работу, стремились убедить меня в том, что экономика Явы будет процветать, а если я хочу зарекомендовать себя хорошим прогнозистом (и, следовательно, продвигаться по служебной лестнице), мне следует в своих перспективных оценках делать соответствующие выводы.

– Взмоет так, что места на графике не хватит! – любил повторять Эйнар. Он рубил рукой воздух над головой, изображая взлетающий самолет. – Экономика, которая взлетит, как птица!

Эйнар часто уезжал в небольшие командировки на два-три дня. О них не распространялись; похоже, никто и не знал, куда он ездил. Бывая на работе, он часто приглашал меня к себе в кабинет на кофе. Расспрашивал об Энн, о нашей новой квартире, о кошке, которую мы привезли из Эквадора. По мере сближения с ним я становился смелее, пытаюсь узнать больше и о нем, и о своей новой работе. Но я никогда не получал вразумительных ответов. Он всегда мастерски уклонялся. Как-то во время одной из таких бесед он посмотрел на меня по-особому.

– Тебе не следует беспокоиться, – сказал он. – Мы многого ожидаем от тебя. Я недавно был в Вашингтоне... – Голос его стал глуше, и он почему-то улыбнулся. – Не важно. Ты знаешь, у нас сейчас большой проект в Кувейте. До поездки в Индонезию у тебя остается время. Мне кажется, имеет смысл потратить его на чтение кое-какой литературы о Кувейте. Очень много материала в Публичной библиотеке Бостона (ПББ), кроме того, мы можем организовать тебе пропуск в библиотеки Массачусетского технологического института и Гарвардского университета.

В результате я стал проводить много часов в этих библиотеках, особенно в Публичной библиотеке Бостона, которая находилась в нескольких кварталах от офиса и рядом с нашим домом в Бэк-Бэй. Я много узнал о Кувейте, прочитал массу книг по экономической статистике, изданных ООН, Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком. Я знал, что мне придется разрабатывать эконометрические модели для Индонезии и Явы, и решил, что для начала надо попробовать сделать такую модель для Кувейта.

Однако для этого моей квалификации бакалавра делового администрирования было недостаточно, и мне пришлось потратить немало времени на восполнение этого пробела.

Я даже записался на несколько курсов по эконометрике. В процессе обучения я обнаружил, что, манипулируя статистическими данными, можно доказать очень многие положения, включая и те, которые удобны самому аналитику.

MAIN была мужской фирмой. В 1971 году в основном составе работали только четыре женщины. При этом еще около двухсот трудились в качестве секретарей. Персональный секретарь был у каждого из вице-президентов и управляющих департаментами; остальных обслуживала группа стенографисток. Я уже привык к этому перекосу по половому признаку, и поэтому то, что произошло в справочном отделе ПББ, меня сильно удивило.

За столом напротив меня оказалась привлекательная элегантная брюнетка в строгом темно-зеленом костюме. Она выглядела на несколько лет старше меня. Я пытался не замечать ее, сосредоточившись на своем. Через несколько минут, не говоря ни слова, она подтолкнула в мою сторону книгу, раскрытую на той странице, где была как раз информация о Кувейте, которую я искал. В книгу была вложена визитка, на которой значилось: «Клодин Мартин, специальный консультант, Chas. T. Main, Inc.».

Я взглянул в ее мягкие зеленые глаза, и она протянула мне руку.

– Меня попросили помочь вам с обучением, – сказала она.

Я не мог поверить, что это происходит со мной. Начиная со следующего дня мы стали встречаться в ее квартире на Бикон-стрит, в нескольких кварталах от комплекса зданий Prudential Center. Во время первой же встречи она объяснила, что я занимаю необычную должность, и что наше общение с ней исключительно конфиденциально. Она сообщила, что мне не объясняли суть моей работы потому, что никто не был на это уполномочен – никто, кроме нее. Затем она сообщила мне, что ее задача – сделать из меня «экономического убийцу».

Это словосочетание напомнило мои детские мечты о жизни, полной приключений. Мне стало неловко от вырвавшегося смущенного смешка. Улыбнувшись, она заверила меня, что именно юмор определил выбор этого термина.

– Ну кто воспримет это всерьез? – сказала она.

Я признался в полном невежестве относительно роли экономического убийцы.

– Не вы один, – засмеялась она. – Мы относимся к редкой породе людей и работаем в грязном бизнесе. Никто не должен знать о вашей работе, даже жена. – Она стала серьезной. – Я буду с вами совершенно откровенна. В течение нескольких недель я постараюсь научить вас всему, чему смогу. После этого вам придется сделать выбор. Он будет окончательным. Если вы принимаете решение этим заниматься, вы будете заниматься этим всю жизнь.

Впоследствии она редко употребляла словосочетание «экономический убийца», мы стали просто ЭУ.

Сейчас я знаю то, чего не знал тогда. Клодин воспользовалась преимуществами, которые давало ей знание моих слабых сторон, почерпнутое из моего досье УНБ. Не знаю, кто предоставил ей эту информацию – Эйнар, УНБ или отдел кадров MAIN, но использовала она ее мастерски. Ее подход – сочетание физического оболыщения и вербального манипулирования – был разработан специально для меня и при этом вполне вписывался в стандартные методы работы, которые, как мне много раз впоследствии доводилось наблюдать, используются фирмами при необходимости срочно завершить выгодную сделку, когда ставки высоки. Она знала с самого начала, что я не поставлю под угрозу свою семейную жизнь, рассказав о нашей тайной деятельности. И она была убийственно откровенна в описаниях теневых сторон моей будущей работы.

Я не знаю, кто платил ей зарплату, хотя у меня нет никаких оснований подозревать, что это не была MAIN, о чем, собственно, и говорила ее визитка. В то время я был слишком наивен, запуган и ослеплен, чтобы задавать вопросы, которые сегодня мне кажутся столь очевидными.

Клодин рассказала, что передо мной ставятся две основные задачи. Во-первых, мне придется обосновывать огромные иностранные займы, с помощью которых деньги будут

направляться обратно в MAIN и другие компании США (такие, как Bechtel, Halliburton, Stone&Webster и Brown&Root) через крупные инженерные и строительные проекты.

Во-вторых, моя деятельность будет направлена на банкротство стран-заемщиков (конечно, после того, как они расплатятся с MAIN и другими американскими подрядчиками), чтобы поставить их в вечную зависимость от своих кредиторов. Это поможет с легкостью добиться, когда это потребуется, соответствующих уступок, например размещения военных баз, нужного голосования в ООН, доступа к нефти и другим природным ресурсам.

Моя работа, по ее словам, будет состоять в прогнозировании последствий инвестирования миллиардов долларов в ту или иную страну. В частности, придется производить расчеты, которые показывают экономический рост в ближайшие 20–25 лет и оценивают влияние нескольких проектов.

Например, если выносится решение дать какой-то стране заем в миллиард долларов, чтобы убедить ее правителей не следовать курсом Советского Союза, моя задача – сравнить выгоду от инвестирования этих средств в предприятия энергетики с выгодой от инвестирования в развитие железнодорожного транспорта или телекоммуникационных систем. Или мне нужно будет продемонстрировать некой стране, как предлагаемый ей заем на модернизацию энергосистемы повлияет на ее экономический рост.

В любом случае важнейшим показателем является валовой национальный продукт (ВНП). Выигрывает тот проект, который больше остальных влияет на рост ВНП. Если рассматривается только один проект, мне надо будет показать, что его разработка самым положительным образом скажется на росте ВНП.

О чем умалчивалось, так это о том, что каждый из этих проектов должен был принести солидные прибыли подрядчикам и осчастливить несколько состоятельных и влиятельных семей в соответствующих странах, тогда как правительства стран-заемщиков попадали в долгосрочную финансовую зависимость, которая, соответственно, была залогом их политического послушания. Чем больше будет заем, тем лучше. Тот факт, что долговое бремя страны лишает ее беднейшее население здравоохранения, образования и других социальных услуг на многие десятилетия, не принимается во внимание.

Мы с Клодин открыто обсуждали обманчивую природу такого показателя, как ВНП. Например, ВНП растет, даже если прибыль получает только один человек, допустим, владелец электростанции, и при этом большая часть населения страны отягощена долгом. Таким образом, богатые богатеют, а бедные беднеют. А с точки зрения статистики, это регистрируется как экономический прогресс.

Как и значительная часть граждан США, большинство сотрудников MAIN считали, что мы действуем во благо, сооружая предприятия энергетики, дорожные магистрали, порты. Наша школа и наши СМИ научили нас воспринимать все свои действия как альтруистические. В течение многих лет я постоянно слышу подобные высказывания: «Если они сжигают флаг США и устраивают демонстрации напротив нашего посольства, почему бы нам не убраться из их проклятой страны, и пусть они барахтаются в своей грязи».

Зачастую это говорят люди, имеющие дипломы о высшем образовании. Тем не менее они не представляют, что основная цель, с которой мы размещаем свои посольства во всем мире, – обслуживать наши собственные интересы, которые в течение второй половины XX века предполагали превращение американской республики в глобальную империю. Несмотря на свои дипломы, эти люди так же необразованны, как те колонисты XVIII века, которые считали, что индейцы, сражавшиеся за свои земли, – слуги дьявола.

Через несколько месяцев мне предстояло уехать на остров Ява в Индонезии, который в то время считался одним из самых густонаселенных на планете. Кроме того, Индонезия была богатой нефтью мусульманской страной и потенциальным объектом коммунистической экспансии.

– Это следующая костяшка домино после Вьетнама, – именно так выразилась Клодин. – Нам нужно перехватить индонезийцев. Если они примкнут к коммунистическому блоку, тогда... – Она провела пальцем по шее и сладко улыбнулась. – Скажем так: тебе нужно составить исключительно оптимистичный прогноз развития экономики, продемонстрировать, как она вырвется вперед после ввода в строй всех энергетических предприятий и магистральных линий электропередачи. Это поможет Агентству США по международному развитию и международным банкам обосновать займы. Конечно, ты получишь хорошее вознаграждение и сможешь перейти к другим проектам в экзотических местах. Твоя тележка для покупок – весь мир.

Она предупредила меня, что мне предстоит нелегкая роль.

– После тебя в дело вступят эксперты из банков. Их работа заключается в том, чтобы раскритиковать твои прогнозы, – за это они получают деньги. Выставить тебя в дурном свете означает для них предстать в хорошем.

Как-то я напомнил Клодин, что MAIN посылает на Яву, помимо меня, еще десять человек, и спросил, прошли ли они такое же обучение, как и я. Она уверила меня, что нет.

– Они инженеры, – сказала она. – Они проектируют электростанции, линии электропередачи и электромагистралы, морские порты и дороги для ввоза топлива. Ты единственный, кто предсказывает будущее. Твои прогнозы определяют масштабы систем, которые они разрабатывают, и величину займов. Так что ты ключевая персона.

Каждый раз, покидая квартиру Клодин, я задумывался, правильными ли вещами я занимаюсь. Где-то в глубине души я подозревал, что нет. Но разочарования прошлого неотступно преследовали меня. MAIN, казалось бы, предлагала мне все, чего не хватало в моей жизни, и тем не менее я продолжал спрашивать себя: а одобрил бы это Том Пейн? В конце концов я убедил себя, что впоследствии, узнав больше, испытав все на практике, я смогу лучше разоблачать это – старое оправдание по принципу «работаю изнутри».

Клодин взглянула на меня озадаченно, когда я поделился с ней этими мыслями.

– Не будь смешным. Если ты уже вошел, ты никогда не сможешь выйти. Ты должен решить все для себя сейчас, пока не залез глубже.

Я понял, и ее слова меня испугали. Выйдя от нее, я прошелся по Коммонуэлт-авеню, свернул на Дартмут-стрит – и уверил себя в том, что стану исключением. Несколько месяцев спустя мы сидели с ней на диване, из окна наблюдая за снегопадом на Бикон-стрит.

– Мы маленький эксклюзивный клуб, – сказала она. – Нам платят, и хорошо платят, за то, что мы обманым путем уводим из разных стран мира миллиарды долларов. Значительная часть твоей работы – побуждать руководителей разных стран мира всемерно способствовать продвижению коммерческих интересов Соединенных Штатов. В конце концов, эти руководители оказываются в долговой яме, которая и обеспечивает их лояльность. При необходимости мы сможем использовать их в своих политических, экономических или военных целях. В свою очередь, они укрепляют собственное политическое положение, поскольку обеспечивают своему народу технопарки, электростанции и аэропорты. А тем временем владельцы инженерных и строительных компаний США становятся сказочно богатыми.

В тот день, в идиллической обстановке квартиры Клодин, лениво наблюдая за кружащимися снежными хлопьями за окном, я познакомился с историей профессии, которой собирался заняться. Клодин рассказала, что веками империи создавались с помощью военной силы или угрозы ее применения. Однако после окончания Второй мировой войны и появления на международной арене Советского Союза, после того как замаячил призрак ядерного Холокоста, силовые решения стали слишком рискованными.

Решающий момент наступил в 1951 году, когда Иран восстал против британской нефтяной компании, эксплуатировавшей и природные ресурсы Ирана, и его народ. Эта компания была предшественницей British Petroleum, сегодняшней BP. Тогда очень популярный, демократически избранный иранский премьер-министр Мохаммед Моссадык (журнал Time назвал

его человеком года в 1951 году) национализировал всю нефтяную промышленность страны. Разъяренные англичане обратились за помощью к США, своему союзнику во Второй мировой войне. Однако оба государства опасались, что военные репрессии спровоцируют Советский Союз на поддержку Ирана.

И тогда вместо морских пехотинцев Вашингтон послал в Иран агента ЦРУ Кермита Рузвельта (внука Теодора). Он великолепно выполнил свою задачу, расположив к себе людей – как взятками, так и угрозами. Затем с его подачи они организовали уличные беспорядки и демонстрации, которые создавали впечатление, что Моссадык был непопулярным и неподходящим лидером. В конечном итоге Моссадык был побежден. Остаток жизни он провел под домашним арестом. Проамерикански настроенный шах Мохаммед Реза стал полновластным диктатором. Кермит Рузвельт положил начало новой профессии, той самой, которой я собирался посвятить жизнь.

Гамбит, разыгранный Рузвельтом, изменил ближневосточную историю и при этом вывел из употребления все старые стратегии построения империй. Он также совпал с началом экспериментов в «ограниченных неядерных военных действиях», которые в конечном итоге закончились унижением США в Корее и Вьетнаме.

К 1968 году, когда я проходил собеседования в УНБ, стало ясно, что для осуществления своей мечты о глобальной империи (как это виделось таким людям, как президенты Джонсон и Никсон) США придется взять на вооружение стратегии, основанные на опыте Рузвельта в Иране. Это был единственный путь победить Советы без ядерной угрозы.

Однако существовала одна проблема. Кермит Рузвельт был сотрудником ЦРУ. Если бы его поймали, последствия были бы ужасны. Он организовал первую операцию США по смене правительства другой страны; ясно было, что за ней последуют другие. Важно было найти подход, при котором Вашингтон не был бы задействован напрямую.

К счастью, в 1960-е годы произошли и другие революционные изменения: усиление многонациональных корпораций и таких международных организаций, как Всемирный банк и Международный валютный фонд, которые финансировались преимущественно Соединенными Штатами и нашими партнерами по созданию империи в Европе. Между правительствами, корпорациями и многонациональными организациями возник симбиоз.

Ко времени моего поступления в Школу бизнеса Бостонского университета решение проблемы «Рузвельт – агент ЦРУ» было найдено. Американские разведывательные организации, включая УНБ, подбирали потенциальных ЭУ, которые потом входили в штат международных корпораций.

Они никогда не состояли на содержании у правительства, получая деньги в частном секторе. Поэтому, если бы их поймали, их грязные делишки списали бы на корпоративную жадность, но никак не на политику правительства. Кроме того, нанимавшие их корпорации, хотя и получали деньги налогоплательщиков от правительственных организаций и их многонациональных банковских партнеров, находились вне зоны контроля конгресса и пристального внимания общественности. Их защищает все возрастающее количество правовых инициатив, включая законодательство о торговой марке, международной торговле и свободе информации.

– Так что, как видишь, – заключила Клодин, – мы лишь очередное поколение, часть гордой традиции, заложенной еще тогда, когда ты учился в первом классе.

Глава 4

Индонезия: уроки для ЭУ

Помимо освоения своей новой специальности, я проводил много времени, изучая литературу по Индонезии.

– Чем больше ты узнаешь о стране до своего приезда туда, тем легче тебе будет работать, – советовала Клодин.

Я очень серьезно отнесся к ее словам.

Когда Колумб в 1492 году отправился в плавание, он собирался достичь Индонезии, известной в ту пору как Пряные острова. В колониальную эпоху Индонезия считалась сокровищем более ценным, чем Америка. Ява с ее тканями, легендарными специями, процветающими королевствами была одновременно и жемчужиной в короне, и причиной яростных столкновений между испанскими, голландскими, португальскими и британскими искателями приключений.

В 1750 году Нидерланды победили, но им, хотя они и контролировали Яву, потребовалось еще более 150 лет, чтобы подчинить окружающие острова.

Когда во время Второй мировой войны в Индонезию вторглись японцы, голландцы практически не оказали им сопротивления. В результате индонезийцы, особенно жители Явы, очень сильно пострадали. Когда Япония капитулировала, харизматичный руководитель Явы Сукарно провозгласил независимость. После четырех лет борьбы, 27 декабря 1949 года, Голландия спустила свой флаг и возвратила суверенитет людям, которые на протяжении трех веков боролись с ее властью. Сукарно стал первым президентом новой республики.

Однако управлять Индонезией оказалось сложнее, чем победить голландцев. Архипелаг, состоящий из более чем 17500 островов, представлял собой кипящий котел – межплеменные распри, различные культуры, десятки языков и диалектов, этнические группы, раздираемые вековой враждой. Частые и ожесточенные конфликты вынудили Сукарно зажать страну в тиски. В 1960 году он распустил парламент, а в 1963-м стал пожизненным президентом. Сукарно тесно сотрудничал с коммунистическими правительствами разных стран в обмен на военную технику и помощь в подготовке кадров. Он послал свои войска, вооруженные советским оружием, в соседнюю Малайзию, чтобы содействовать распространению коммунистических идей по всей Юго-Восточной Азии и завоевать одобрение руководителей социалистических стран.

Но в его собственной стране ширилась оппозиция, и в 1965 году произошел переворот. Сукарно избежал гибели только благодаря сообразительности своей любовницы. Многие из высокопоставленных военных и его ближайших соратников оказались менее удачливыми. События напоминали то, что случилось в Иране в 1953 году. В конце концов, ответственность за все возложили на коммунистическую партию, прежде всего, на то ее крыло, которое было ориентировано на Китай. Затем последовала организованная военными резня, были убиты по разным данным от 300 до 500 тысяч человек. В 1968 году президентом стал генерал Сухарто.

К 1971 году укрепилось намерение США изменить прокоммунистическую ориентацию Индонезии, так как исход Вьетнамской войны становился все менее предсказуемым. Летом 1969 года президент Никсон начал частичный вывод войск из Вьетнама. Стратегия США перестраивалась с учетом глобальной перспективы. Теперь стратегическая задача состояла в недопущении эффекта домино, когда страны одна за другой стали бы примыкать к коммунистическому лагерю. Внимание сосредоточилось на нескольких государствах, Индонезии отводилась ключевая роль. Проект электрификации MAIN был частью всеобъемлющего плана установления американского влияния в Юго-Восточной Азии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.